

Перспективы «зеленого» роста на востоке России и Новый Шелковый путь

И.П. ГЛАЗЫРИНА, доктор экономических наук. E-mail: iglazyrina@bk.ru

И.А. ЗАБЕЛИНА, кандидат экономических наук, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, Забайкальский государственный университет, Чита. E-mail: i_zabelina@mail.ru

На востоке России идея Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) вызвала как повышенные ожидания новых драйверов развития, так и опасения. Многолетний опыт трансграничного сотрудничества говорит о том, что вместе с перспективами приходят и проблемы. В том числе – экологические, так как экономика регионов Сибири и Дальнего Востока имеет устойчивую сырьевую специализацию. В статье представлены результаты оценки эколого-экономической динамики развития восточных приграничных регионов России с позиций концепции «зеленой» экономики и «зеленого» роста. Они могут служить исходной информацией при разработке планов, программ и проектов трансграничного сотрудничества в рамках ЭПШП. Для успешной реализации перспектив ЭПШП необходимо целенаправленное государственное стимулирование процессов экологической модернизации.

Ключевые слова: Экономический пояс Шелкового пути; экономическое развитие; экологическая нагрузка; концепция «зеленого роста»; трансграничное сотрудничество

Экономический пояс Шелкового пути и «зеленая» экономика

Стратегия Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) была представлена президентом КНР Си Цзиньпином в 2013 г. Целью этого нового направления стратегических усилий Китая было объявлено «продвижение сотрудничества, развития и процветания стран Азии, Европы и Африки» [1. С. 65]. Новая глобальная инициатива Китая привлекла беспрецедентное внимание политиков, бизнеса, научного сообщества, СМИ, общественности. На востоке России эта идея вызвала как повышенные ожидания новых драйверов развития, так и опасения. Многолетний опыт трансграничного сотрудничества говорит о том, что вместе с перспективами приходят и проблемы. В том числе – экологические, так как экономика регионов Сибири и Дальнего Востока имеет устойчивую сырьевую специализацию [2].

В секторах, связанных с природопользованием, мы довольно часто наблюдаем проявления экологически неравноценного обмена [3, 4], когда выгоды достаются одним субъектам природопользования, а последствия негативного воздействия на природные системы – другим. Диспаритет выступает в различных формах: между компаниями и местным населением, между различными территориями (например, в случаях загрязнения водных объектов), между субъектами РФ (пополнение бюджетов от использования природных ресурсов нередко происходит не там, где добывают, а там, где зарегистрирована компания), между странами (в случае сырьевой ориентации экспорта) и др.

С началом экономического роста в России в регионах, богатых природными ресурсами, наметились тенденции экологически неравноценного обмена, которые к настоящему времени остаются малоизученными, особенно в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Здесь специфическую роль играют и трансграничные отношения с быстрорастущей экономикой КНР. Предварительный анализ работ в этой области говорит о том, что этих условиях необходимо ставить задачу совершенствования и развития конкретных институтов, направленных на реализацию экологического предназначения природно-ресурсной ренты (в соответствии с концепцией Е. В. Рюминой [5, 6]).

Ситуации экологически неравноценного обмена в России обычно возникают вследствие противоречий интересов ресурсных компаний и местного населения. Часто они усугубляются еще и тем, что растущие доходы добывающих компаний не сопровождаются адекватным ростом благосостояния населения природно-ресурсных территорий. Иногда противоречия проявляются в виде явных экологических конфликтов, не всегда эти конфликты отражаются в акциях и протестах, но после долгой латентной фазы находят свой выход в оттоке населения в более благополучные места [7]. Особенно на востоке страны, где население настороженно относится к участию КНР в российской экономической жизни [8], и вопрос о том, что нас ждет в случае торжества идеи ЭПШП, встает самым естественным образом.

Наибольшую озабоченность вызывают экологические последствия российско-китайского сотрудничества в силу сложившейся за последние годы негативной репутации китайских инвестиционных инициатив во многих развивающихся странах. Ведь

немало примеров, когда за сиюминутные выгоды общество платит необратимыми изменениями экосистем и даже экологической катастрофой. При этом основных экономических бенефициаров (в частности, инвесторов) эти последствия часто не затрагивают – все экологические издержки достаются населению природно-ресурсных регионов [9].

Очевидно, что с каждым новым производством будет связано и антропогенное воздействие на природную среду [10, 11]. За дополнительные доходы и рост благосостояния надо будет заплатить определенную «экологическую цену». Не будет ли она слишком высока? Как определить, является ли эта цена разумной и приемлемой в долгосрочном плане? В статье предлагается инструментарий для такой оценки эколого-экономических процессов в динамике, основанный на концепции «зеленой» экономики.

«Цвет» экономического роста

Одним из первых исследований, посвященных «зеленой» экономике, была книга «Blueprint for a Green Economy» [12]. В ней изучалась проблема взаимозаменяемости природного и физического капитала. Концепции и принципы «зеленой» экономики позже были представлены в докладе программы ООН по окружающей среде «Навстречу “зеленой” экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности». «Зеленая» экономика, по определению ЮНЕП [13], является «экономической системой, которая приводит к улучшению благополучия человека и социальной справедливости, при значительном снижении экологических рисков и истощения природных ресурсов, а также при повышении качества природной среды». ЮНЕП подчеркивает, что в «зеленой» экономике «рост доходов и занятости вследствие государственных и частных инвестиций сопровождается сокращением выбросов и сбросов загрязняющих веществ, повышением эффективности использования энергии и ресурсов и предотвращением потери биоразнообразия и экосистемных услуг» [13. С. 17]. Принципиально важная задача – эффективное использование природного капитала [14]. Одной из ключевых целей «зеленой» экономики является искоренение нищеты: в докладе ЮНЕП утверждается, что переход к «зеленой» экономике может способствовать сокращению ее масштабов.

Под термином «зеленый рост» в большинстве работ понимается путь развития, ведущий к достижению целей «зеленой» экономики и предполагающий увеличение валового внутреннего продукта [15, 17]. Однако это определение требует, несомненно, количественных инструментов «диагностики», использование которых могло бы дать ответ на вопрос: а действительно ли наблюдаемый рост является «зеленым?». Концептуальная схема была предложена П. Виктором в работе [18]. Он использовал один из хорошо известных индикаторов экоинтенсивности: объем выбросов углерода в расчете на единицу внутреннего валового продукта (ВВП), и на этой основе разработал некоторое правило, которое позволяет характеризовать динамику развития как «зеленый», «коричневый» или «черный» рост по отношению к климатическим последствиям хозяйственной деятельности (его можно применить также к характеристикам экономического спада). Эта работа была представлена в докладе при вручении ему премии им. Кеннета Боулдинга в 2014 г. в Рейкьявике; его расчеты показали, что экономический рост в Канаде за последние десятилетия может быть охарактеризован преимущественно как «коричневый».

Модель П. Виктора была использована в работе [19] для оценки динамики китайской экономики, также по отношению к выбросам углерода. Авторы показали, что для периода с 1971 г. по 2010 г. экономический рост в Китае был «черным» или «коричневым». Определенные улучшения наблюдаются с 2005 г.

Но цели «зеленой» экономики значительно шире, чем снижение выбросов парниковых газов. Количественные показатели «зеленого» роста необходимы для отслеживания ситуации по отношению к выбросам загрязняющих веществ в атмосферу, сбросам неочищенных сточных вод, разрушению экосистем. В статье [20] представлена общая модель, разработанная на основе схемы П. Виктора, позволяющая определить «цвет» экономического роста в более широком контексте и использованная для оценки динамики регионального лесопользования. Здесь мы приводим ее краткое описание.

Исходными расчетными параметрами модели также являются индикаторы экоинтенсивности, то есть удельные показатели, отражающие величину антропогенного воздействия в расчете

на единицу произведенной добавленной стоимости, на одного занятого в экономике, на душу населения и т. д. [21, 22].

На рисунке 1 представлена общая концепция модели. На графике по горизонтальной оси откладывается один из показателей экоинтенсивности (ЭИ) или ресурсоемкости. Он всегда является отношением экологической нагрузки, или изъятия природных ресурсов, и экономического результата (ЭР). Этот показатель может количественно характеризовать удельный объем выбросов вредных веществ в атмосферу, объемы произведенных и необезвреженных (не утилизированных) отходов, загрязненных сточных вод и др., а также может относиться к объему заготовленной древесины, добытых полезных ископаемых, водоотведению и др. Таким образом, горизонтальная ось служит для определения удельных показателей воздействия на природные системы (использования природного капитала) в расчете на единицу экономического результата. На вертикальной оси показан собственно экономический результат (ВВП/ВРП, доходы от конкретного вида экономической деятельности, в том числе бюджетные, заработная плата, количество рабочих мест и др.). Точкой I_0 обозначено начальное соотношение между ЭИ и ЭР.

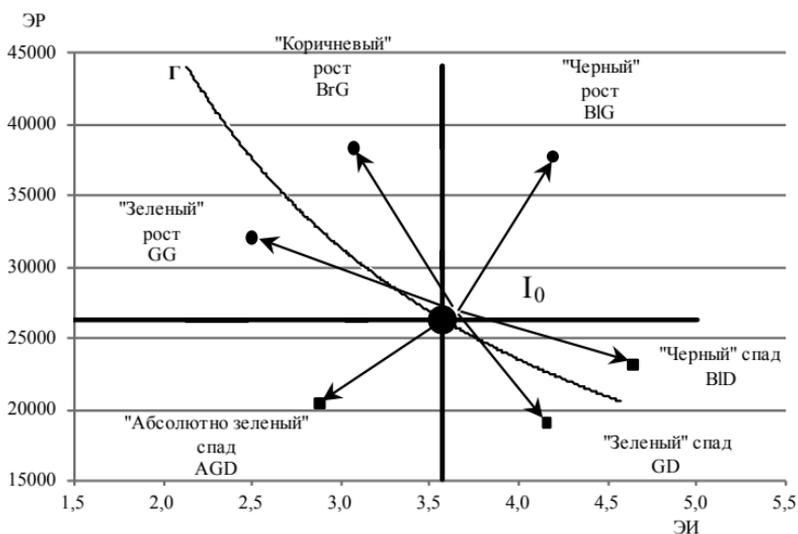

Рис. 1. Эколого-экономические зоны в концепции «зеленого роста» [20]

Кривая Г определяется уравнением $ЭИ \cdot ЭР = \text{const}$. Таким образом, точки, лежащие на кривой Г (которая, очевидно, является гиперболой), характеризуются одинаковым состоянием антропогенной нагрузки – таким же, как в точке I_0 . Точки, расположенные ниже кривой Г, определяют такие соотношения между ЭР и ЭИ, при которых общее негативное воздействие на окружающую среду (или объем использованных природных ресурсов) меньше, чем в точке I_0 . Соответственно, в точках, лежащих выше кривой Г, негативное воздействие больше.

Вертикальная линия, соответствующая $ЭИ=ЭИ(I_0)$, горизонтальная линия, соответствующая $ЭР=ЭР(I_0)$, и кривая Г делят плоскость на шесть зон, каждая из которых может быть охарактеризована в терминах «зеленого» роста (табл. 1). Важно подчеркнуть, что распределение по зонам с использованием данной модели зависит от выбора начальной точки I_0 , определяется эколого-экономическими характеристиками того состояния изучаемой системы, которое она фиксирует, и в этом смысле оно относительно.

Таблица 1. Эколого-экономические зоны в концепции «зеленого роста» [20]

Зона	Характеристика
«Зеленого» роста: GG	Переход от точки I_0 в любую точку этой зоны означает увеличение экономического результата при одновременном снижении как удельной, так и общей нагрузки на окружающую среду
«Коричневого» роста: BrG	При переходе от I_0 в любую точку этой зоны удельное негативное воздействие снижается, но общее – растёт, при этом улучшается и экономический результат
«Черного» роста: BIG	При переходе в эту зону улучшается экономический результат при росте как удельного, так и общего негативного воздействия
«Черного» спада: BID	При переходе в эту зону экономический результат снижается, при росте как удельного, так и общего негативного воздействия
«Зеленого» спада: GD	При переходе в эту зону при росте удельного негативного воздействия экономический результат и общее воздействие снижаются
«Абсолютно зеленого» спада: AGD	При переходе в эту зону снижаются общее и удельное негативное воздействие, а также экономический результат

В начале Шелкового пути: эколого-экономическая динамика в восточных регионах России

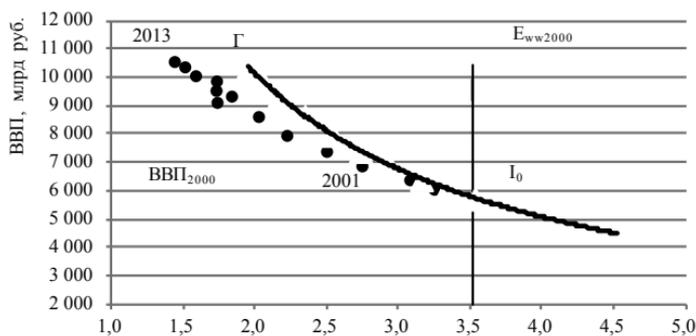
В данном разделе представлены результаты расчетов для определения «цвета» экономического роста в контексте выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и сбросов неочищенных сточных вод в целом по России и для приграничных регионов востока страны, которые, вероятно, будут испытывать самое непосредственное влияние развития Экономического пояса Шелкового пути. Наличие исходной информации позволило оценить эту динамику в период с 2000 г. по 2013 г.; 2000 г. был выбран как начальная точка (I_0). В качестве экономического результата использован валовый региональный продукт (ВРП), для России – ВВП, в сопоставимых ценах по отношению к 2000 г.

Большинство рассматриваемых регионов не испытывают дефицита водных ресурсов, на обширной территории этой части России сохранилось много водных объектов с высоким качеством воды и почти нетронутыми экосистемами. Однако во многих населенных пунктах, и не только в крупных, проблема загрязнения воды уже стоит очень остро. На востоке России есть несколько крупных рек, бассейны которых разделены государственными границами между Россией, Китаем и Монголией – Селенга, Амур, Аргунь и др. Деградация водных экосистем в ряде случаев связана с трансграничными воздействиями (р. Аргунь, Сунгари, Онон, Селенга, Амур). Отмечены существенные негативные изменения ихтиофауны в бассейне Верхнего Амура [23, 24]. Поэтому важнейшим индикатором является экоинтенсивность по отношению к сбросам неочищенных сточных вод (E_{ww}).

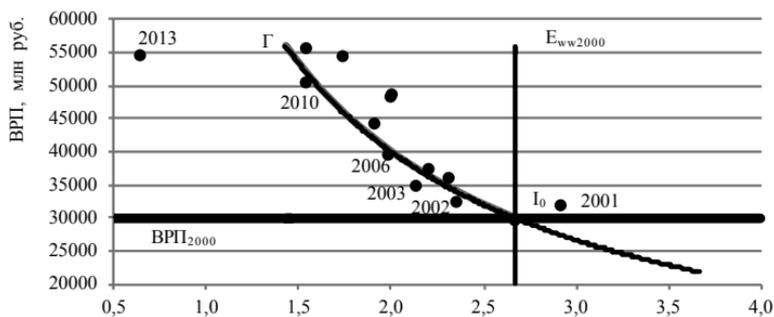
Система платежей за негативное воздействие на окружающую среду, законодательно введенная в России с 1992 г., оказала определенное положительное влияние и привела к удельному снижению загрязнений по целому ряду показателей, то есть способствовала улучшению качества экономического роста. Как показано на рисунке 2, по отношению к сбросам неочищенных сточных вод Россия и большинство восточных приграничных регионов после 2000 г. устойчиво находились в зоне «зеленого» роста (хотя здесь необходимо отметить несовершенство производственного контроля, вследствие чего реальные показатели могут быть хуже номинальных). Однако на графиках для

Амурской области и Забайкальского края присутствуют и точки «коричневого» роста, а для Еврейской АО практически вся траектория роста находится в «коричневой» зоне.

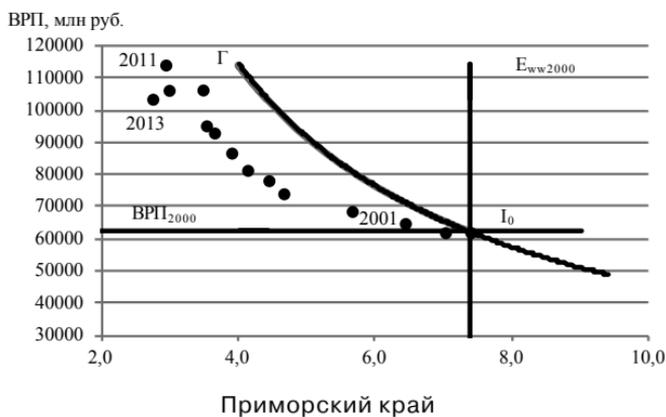
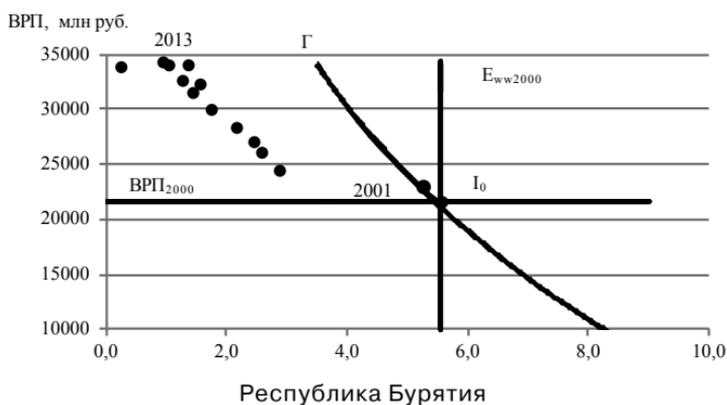
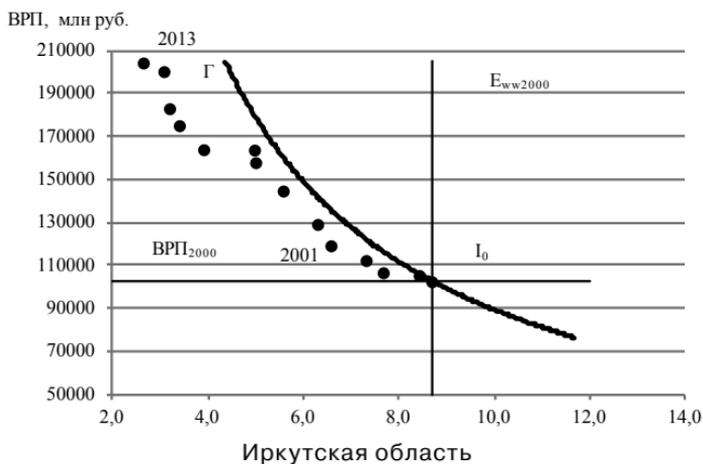
Были рассмотрены также выбросы в атмосферу основных загрязнителей: SO_2 , NO_x , твердых частиц, гидрокарбонатов, окиси углерода; они обозначены как ESO_2 , ENO_x , Ess , EHC , ECO соответственно. Символом Etotal обозначено суммарное загрязнение. Результаты расчетов представлены в таблице 2. Они показывают высокую дифференциацию регионов по этим индикаторам. Наиболее благополучная ситуация – в Хабаровском и Приморском краях. Наименее – в Амурской и Еврейской областях, где мы видим значительное число точек «черного» роста. В целом по России точка «черного» роста (по отношению к атмосферным выбросам) зафиксирована лишь однажды – в 2004 г. по выбросам углерода.

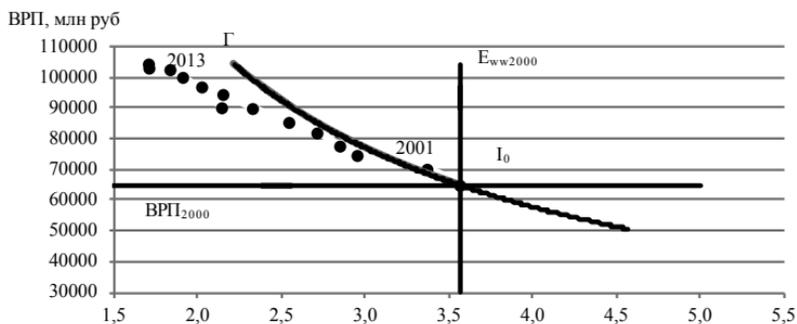

Российская Федерация

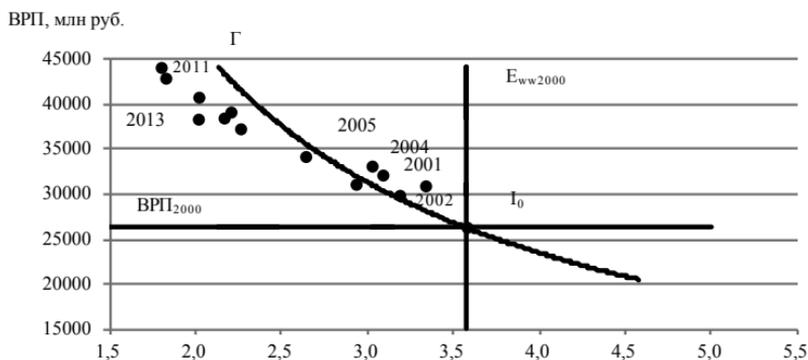

Забайкальский край

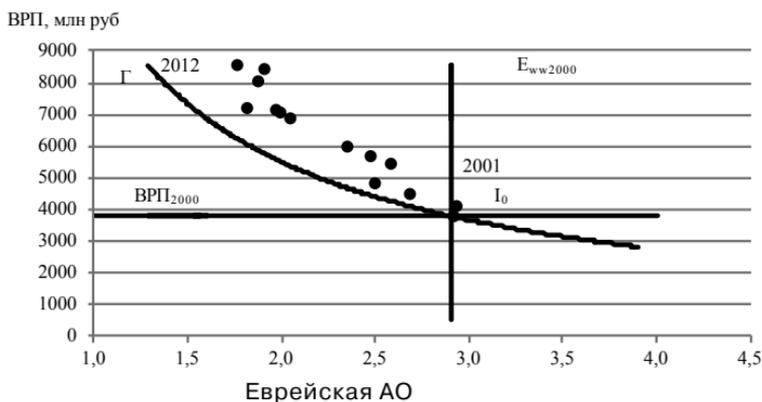

Хабаровский край

Амурская область

Еврейская АО

Рис.2. «Цвет» экономического роста в России в 2000–2013 гг.: экоинтенсивность сброса неочищенных сточных вод, м³/тыс. руб.

**Таблица 2. Эколого-экономические зоны
для восточных регионов России**

Страна, регион / показатель экоинтенсивности		«Зеленый» рост	«Коричневый» рост	«Черный» рост
Российская Федерация	Ettotal	+ (2013)	+ (2001–2012)	
	ESO ₂	+		
	ENOX	+ (2004–2005)	+ (2006–2013)	
	ECO		+ (2005–2013)	+ (2004)
	Ess	+		
	EHC		+	
Забайкальский край	Ettotal	+		
	ESO ₂	+		
	ENOX	+ (2012)	+ (2004–2011, 2013)	
	ECO	+ (2004, 2009, 2011–2013)	+ (2005–2008, 2010)	
	Ess	+		
	EHC			+
Амурская об- ласть	Ettotal	+ (2001–2003)	+ (2004–2013)	
	ESO ₂	+ (2004–2006, 2008–2001, 2013)	+ (2007, 2012)	
	ENOX		+ (2004–2008)	+ (2009–2013)
	ECO			+
	Ess	+ (2005–2010)	+ (2004, 2011–2013)	
	EHC		+ (2005)	+ (2004, 2006–2013)
Иркутская об- ласть	Ettotal	+ (2001–2006)	+ (2007–2013)	
	ESO ₂		+ (2004–2011, 2013)	+ (2012)
	ENOX	+ (2005–2006)	+ (2004, 2007– 2011, 2013)	+ (2012)
	ECO	+ (2004–2007, 2009–2010)	+ (2008, 2011–2013)	
	Ess	+		
	EHC	+ (2004, 2008–2011)	+ (2005–2007, 2012–2013)	

Республика Бурятия	Ettotal	+ (2003–2007, 2009–2011)	+ (2001–2002, 2008, 2012–2013)	
	ESO ₂	+ (2004–2008, 2010–2011)	+ (2009, 2012–2013)	
	ENOX	+ (2004–2007)	+ (2008–2013)	
	ECO	+ (2009)	+ (2004–2008, 2010–2013)	
	Ess	+ (2004–2007, 2009–2013)	+ (2008)	
	EHC		+ (2005–2009)	+ (2004, 2010–2013)
Приморский край	Ettotal	+ (2004–2013)		+ (2001–2003)
	ESO ₂	+ (2004, 2006–2013)	+ (2005)	
	ENOX		+	
	ECO	+ (2006–2013)	+ (2004–2005)	
	Ess	+		
	EHC			+
Хабаровский край	Ettotal	+ (2001–2002, 2005–2013)	+ (2003–2004)	
	ESO ₂	+		
	ENOX	+ (2005–2013)	+ (2004)	
	ECO	+		
	Ess	+ (2006–2013)	+ (2004–2005)	
	EHC			+
Еврейская АО	Ettotal		+ (2005–2013)	+ (2001–2005)
	ESO ₂	+ (2006–2013)	+ (2004–2005)	
	ENOX		+ (2004, 2008–2013)	+ (2005–2007)
	ECO			+
	Ess		+ (2006–2013)	+ (2004–2005)
	EHC		+ (2008–2009)	+ (2004–2007, 2010–2012)

* * *

Анализ текстов программных документов РФ, посвященных развитию востока страны, показывает, что декларированные в них цели в полной мере соответствуют основным положениям

концепции «зеленой» экономики. Правда, это относится в основном к «текстовой части» программ, и, как правило, не находит отражения в приложениях, содержащих перечни проектов. Тем не менее в них отчетливо выражен общественный запрос на экологизацию социально-экономических отношений. Поэтому принципиальной позицией России при формировании проектов и программ Экономического пояса Шелкового пути должно стать недопущение изменения существующей эколого-экономической ситуации в худшую сторону. В настоящее время репутация совместных российско-китайских инициатив (как в экологическом, так и в социально-экономическом плане) почти во всех отраслях – в недропользовании, сельском хозяйстве, лесопользовании – оставляет желать лучшего. Только в случае, если возникшее недоверие будет преодолено и расширение сотрудничества принесет действительно позитивные результаты, можно будет говорить о том, что перспективы, открывшиеся в рамках этого проекта, будут реализованы.

Результаты предыдущего раздела выявляют эколого-экономические тренды развития восточных приграничных регионов России, сформировавшиеся к началу реализации идеи Экономического пояса Шелкового пути. Они могут служить исходной информацией при разработке планов, программ и проектов в рамках трансграничного сотрудничества. В терминах «цвета» экономического роста это означает, что эколого-экономические траектории развития регионов должны соответствовать направлению движения к «зеленой» экономике и находиться (или, по крайней мере, приближаться) в зонах «зеленого» роста.

Если показатели экоинтенсивности новых проектов будут ниже, чем существующие в регионе, то их реализация приведет к снижению общей экоинтенсивности и, по крайней мере, не станет причиной перехода траектории развития в зону «черного» роста. Но, как видно из нашей модели, это не гарантирует попадание в зону «зеленого» роста: при снижении удельного негативного воздействия общая нагрузка на природную среду может возрасти, то есть рост будет «коричневым». Снижение экоинтенсивности является необходимым, но недостаточным условием для «зеленого» роста. При сохранении прежних уровней загрязнения с каждым новым проектом, даже с относительно «щадящим» антропогенным воздействием, регион будет обречен

на «коричневый» рост. Для перехода к «зеленому» росту (или сохранения «зеленого» тренда развития) необходима параллельная экологическая модернизация существующих производств, позволяющая снизить общее воздействие за счет использования новых технологий, повышения энергоэффективности и др. Если мы ставим задачу, чтобы Новый Шелковый путь стал дорогой к «зеленой» экономике, это должно быть основополагающим принципом при разработке моделей сотрудничества.

В контексте данной работы важно, что в основных документах руководства КНР последних лет, в том числе посвященных Экономическому поясу Шелкового пути, были сформулированы явно экологические цели: «ключевая идеология – это уважать природу, следовать природе, защищать природу и стремиться к устойчивому развитию» [1. С. 69]. Параллельно осуществляется строительство экологической цивилизации, о которой официально объявлено в документе Коммунистической партии Китая «Позиция об ускорении продвижения строительства экологической цивилизации». В этом же направлении идет системное развитие процедур обеспечения экологической ответственности финансовых институтов за те проекты, на реализацию которых они выделяют кредиты [25]. Это дает надежду на понимание китайской стороны в вопросах экологизации региональной экономики.

Кроме того, расчеты, представленные в работе [26], демонстрируют, что показатели экоинтенсивности в китайской экономике и ее сопредельных по отношению с Россией провинциях значительно лучше, чем в восточных российских регионах. Поэтому технологическое сотрудничество может дать положительные результаты в плане экологической модернизации региональной экономики. Однако для этого необходимо целенаправленное стимулирование этих процессов. Если современные экологически безопасные технологии не получают в России сравнительных преимуществ или государственной поддержки для внедрения, то велика опасность, что вместо них в Россию по Новому Шелковому пути «придет» устаревшее оборудование с заводов, которые в настоящее время активно закрываются в КНР из-за высокого и неприемлемого с точки зрения целей экологической цивилизации негативного воздействия на окружающую среду.

Литература

1. *Dong Suocheng, Li Zehong, Li Yu, Shi Guangyi, Yu Huilu, Wang Juanle, Li Jun, Mao Qiliang Huang Yongbin.* Resources, Environment and Economic Patterns and Sustainable Development Modes of the Silk Road Economic Belt // *Journal of Resources and Ecology.* – 2015. – №6 (2) – P. 65–72.
2. *Ломакина Н. В.* Промышленное развитие Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая: цели, результаты и возможности для сотрудничества // *ЭКО.* – 2014. – № 6. – С. 40–55.
3. *Hornborg A., McNeil J.R., Martinez-Alier J.* Rethinking Environmental History. – Altamira Press, 2007. – 420 p.
4. *Nordlund C.* Social ecology. International trade, network analysis and Emmanuelian conceptualization of ecologically unequal exchange // *Lund studies in human ecology.* – Lund University, 2010. – 299 p.
5. *Рюмина Е. В.* Анализ эколого-экономических взаимодействий. – М.: Наука, 2000. – 158 с.
6. *Рюмина Е. В.* Экологическая версия предназначения природной ренты // *Экономическая наука современной России.* – 2001. – № 2. – С. 11–22.
7. *Соболева С. В., Григорьев Ю. А., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В.* Особенности формирования населения приграничных территорий Сибири // *ЭКО.* – 2014. – № 11. – С. 20–35.
8. *Калугина З. И., Фадеева О. П.* Восточное приграничье России: альтернативы сельского развития // *ЭКО.* – 2016. – № 1 – С. 36–48.
9. *Корытный Л. М.* Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных регионов России // *География и природные ресурсы.* – 2015. – № 4. – С. 192–193.
10. *Забелина И. А., Клевакина Е. А.* Эколого-экономические аспекты природопользования и проблемы приграничного сотрудничества в регионах Сибири // *ЭКО.* – 2011. – № 9. – С. 155–166.
11. *Фалейчик Л. М., Кириллюк О. К., Помазкова Н. В.* Опыт применения ГИС-технологий для оценки масштабов воздействия горнопромышленного комплекса на природные системы Юго-Востока Забайкалья // *Вестник ЗабГУ.* – 2013. – № 6 (97). – С. 64–79.
12. *Pearce D. W., Markandya A., Barbier E. B.* Blueprint for a Green Economy. London: Earthscan, 1989. – 192 p.
13. Навстречу «зеленой экономике»: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности. ЮНЕП, 2011. URL: http://www.sustainabledevelopment.ru/upload/File/Reports/ISD_UNEP_GE_Rus.pdf (дата обращения: 26.03.2016).
14. *Титова Г. Д.* Понятие «природный капитал», развитие методологии и методов его экономической оценки // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7: Геология. География.* – 2014. – № 1. – С. 114–124.
15. *Бобылев С. Н.* Экономическая неустойчивость: шанс для «зеленой» экономики? / Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / Под ред. Л. М. Григорьевой и С. Н. Бобылева. – М.:

- Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. – 204 с.
16. *De Boer Y., Meier J., Bickersteth S.* Green Growth in Practice: Green Growth Best practice Initiative. – 2014.
17. OECD. Towards green growth. A summary for policy makers. OECD, Paris. – 2011. URL: <http://oecd.org/greengrowth/48012345.pdf> (дата обращения: 26.03.2016).
18. *Victor P.* The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014: Ecological economics: A personal journey // *Ecological Economics*. – 2015. – V. 109. – P. 93–100.
19. *Shang Yongmin, Si Yuefang, Zang Gang.* Black or Green? Economic growth patterns in China under low carbon economy targets // *Journal of Resources and Ecology*. – 2015. – №6 (5). – P. 310–317.
20. Глазырина И. П., Фалейчик Л. М., Яковлева К. А. Социально-экономическая эффективность и «зеленый» рост регионального лесопользования // *География и природные ресурсы*. – 2015. – № 4. – С. 17–25.
21. Экологические индикаторы качества роста региональной экономики / Под. ред. И. П. Глазыриной, И. М. Потравного. – М.: НИА-Природа, 2005. – 306 с.
22. *De Haan M.* Accounting for goods and bads. – Voorburg: Statistics Netherlands, 2004. – 216 p.
23. *Михеев И. Е.* Ихтиоценозы трансграничных рек Онон и Аргунь на территории России (Забайкальский край) // *Экосистемы Центральной Азии в современных условиях социально-экономического развития: Материалы междунар. конф. Том 2. Улан-Батор (Монголия), 8–12 сентября 2015 г.* – Улан-Батор: Бэмби Сан, 2015. – С. 69–71.
24. *Михеев И. Е.* Экосистемные услуги как инструмент защиты биоценозов малых рек // *Рыбоводство и рыбное хозяйство*. – 2015. – № 4. – С. 3–7.
25. *Глазырина И. П., Симонов Е. А.* «Экологическая цивилизация» Китая: новые вызовы или новые перспективы для России? // *ЭКО*. – 2015. – № 7. – С.52–72.
26. Природный капитал региона и российско-китайские трансграничные отношения: перспективы и риски / Под ред. И. П. Глазыриной, Л. М. Фалейчик. – Чита: Изд-во ЗабГУ, 2014. – 527 с.